

УДК 811.511.131

С. А. Максимов

**ЇУЖ УЇЫПИ НО ШУИСЬКО КЕ.,
ИЛИ К СИМВОЛИКЕ СОЛОВЬЯ
В УДМУРТСКОЙ ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ***

Работа посвящена исследованию семантики выражения *їуж уїы* ‘желтый соловей’, а также образу соловья в удмуртском песенном фольклоре. На основе анализа текстов удмуртских песен и сравнения их с татарскими делается вывод, что образ «желтого соловья» зародился в недрах татарской песенной культуры, откуда проник в удмуртский фольклор. Формированию этого образа способствовало несколько причин: 1) близость звуковых комплексов двух татарских слов – *сайрый* ‘щебечет, поет’ и *сары* ‘желтый’; 2) скрытный образ жизни соловья; 3) культурно-психологическое значение желтого цвета. Уточняется также возникновение названия птицы – *уїы*.

Анализ песенных текстов позволил выявить символику соловья в народной культуре. Чаще всего он предстает как символ любви (любовных переживаний, любимого человека), и в этом отношении ассоциируется прежде всего с молодостью, весной. Кроме того, образ соловья наделен брачной символикой (что находит параллели в русской народной культуре), а также некоторыми другими символами. Образ «желтого соловья», в отличие от «обычного», более яркий, эмоционально насыщенный, в первую очередь связанный с положительными эмоциями, переживаниями, но нередко выступающий и как символ печали, светлой грусти.

Ключевые слова: удмуртский язык, песенный фольклор, «желтый соловей», имитативы пения соловья, этимология, образ соловья, символика соловья.

В последние два десятилетия наблюдается повышенный интерес к изучению удмуртской песенной культуры, о чем говорят как отдельные сборники серии «Удмуртский фольклор» с текстами песен и нотными расшифровками [4; 17, 19; 35; 9; и др.], так и монографические исследования [18; 20; 23]. Устное народное творчество аккумулирует и консервирует элементы разных исторических эпох, культурных веяний, результаты контактов с другими культурами. Традиционный

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований УрО РАН в 2015–2017 гг. по теме «Мифология удмуртов в историко-культурном наследии» № 15-13-6-8.

песенный фольклор в этом отношении не является исключением. Тексты песен нередко содержат архаичные элементы – слова, выражения, образы, которые в современном контексте совершенно непонятны, вызывают затруднения в понимании и даже недоумение. Цель нашей работы – исследовать выражение *Їуж учы* ‘желтый соловей’ в удмуртских песенных текстах (точнее атрибут *Їуж* ‘желтый’ и некоторые другие «странные» эпитеты соловья), а также выявить символику соловья в народной культуре.

Материалом для анализа послужили тексты песен (см. выше отсылку к перечисленным источникам, а также «Образцы удмуртской речи», опубликованные В. К. Кельмаковым в нескольких книгах; в данной статье – [13, 14]) и некоторые другие публикации [30; 31]. В отдельных случаях автор использует собственные полевые наблюдения.

Їуж учы ‘желтый соловей’. Композита территориально употребляется в южной диалектной зоне удмуртского языка, встречается преимущественно в лирических, отчасти – обрядовых песнях. Для примера приведем фрагменты двух народных песен. Первый из них – куплет лирической песни, записанной от информанта из Вавожского р-на:

(1) <i>вал ук мынам воз аччэтэ,
шур дурыс' вош шашы кад'.
вал ук мынам йаратонэ,
вош садыс' Їуж учы* кад'.</i> | Был же у меня зеленый передник,
Похожий на зеленую приречную осоку.
Был же у меня возлюбленный,
Похожий на желтого соловья в зеленом саду
[13. С. 255]. |
|--|--|

Второй пример – фрагмент свадебной песни, представляющей Увинский р-н:

(2) <i>со с'ас'каос пöлын
Їуж учыос чирдо.
со Їуж учыос öвöл –
öt'эм су'анийос.</i> | Среди тех цветов
Поют желтые соловушки .
То не желтые соловьи –
Званные свадебщики [13. С. 226–227]. |
|---|---|

Список примеров, конечно, можно продолжить. Многие из таких песен популярны и часто исполняемы, в чем нет ничего необычного: образ соловья, известного своим красивым пением, широко распространен в песенном фольклоре разных народов.

Но автора настоящей работы давно интересовала одна деталь, казавшаяся странной в песенных текстах. Это – атрибут соловья: в природе эта птица далеко не желтого цвета; у нее коричневое или коричнево-серое оперение. Согласно данным биологической науки, соловьи – «мелкие, невзрачные, бурые птицы длиной 15 см, с красновато-каштановым хвостом. <...> Все обладают громкой красивой песней» [5. С. 797]. «То щелканье, которым соловей приобрел наше особенное расположение, так звучно и богато тонами, что успешно соперничает с голосами всех птиц: так оно разнообразно, увлекательно, гармонично» [5. С. 798].

* Полу жирным шрифтом в текстах песен выделено нами. – С. М.

Противоречие в цвете было учтено редактором одного из выпусков антологии удмуртских песен «Удмурт фольклор», где атрибут соловья *ĉуж* образно передан словом *золотистый*:

(3) <i>Учы медам ĉуж медам но,
Ваёбыж съд медам.
Учы луыса, ваёбыж луыса,
Аськон нуналмы вань медам?</i> | <i>Соловей</i> ли <i>золотистый</i> ли да,
Ласточка черная ли.
<i>Соловушкой</i> будучи, ласточкой будучи,
Встретимся ли мы когда-нибудь? [19. С. 58]. |
|--|---|

Аналогичный перевод приведен в монографии И. В. Пчеловодовой [23. С. 23]:

- (4) *ĉуж учылэн чирдэmez куно лыктэмлы медло(й)*. ‘Золотистого соловья пение в честь приехавших гостей пусть будет’.

Разгадка пришла при прослушивании нами татарских песен, в которых образ соловья – самый излюбленный [10. С. 142]. На вербальном уровне этот образ часто реализуется сочетанием типа *сайрый сандугач* ‘поет соловей’ или даже *сайрый сандугачлар(ы)* – букв. ‘поёт соловьи’, как, например, в двустииши:

(5) <i>Их, алмагачлары!
Сайрый сандугачлары.</i> | Эх, яблоньки!
Поют (= поёт)* соловьи. |
|--|--|

Форма глагола-сказуемого *сайрау* ‘петь, щебетать (о певчих птицах); заливаться / залиться (о соловьях)’ [27. Т. 2. С. 206] в препозиции к подлежащему, особенно когда оно стоит во множественном числе при единственном числе сказуемого**, производит впечатление замены сказуемого определением, которое ассоциируется с более употребительным словом *сары*, ‘желтый’, которое в народных песнях может выступать в облике *сарый* [21. С. 113]. Учитывая функционирование в татарском языке слова *сайраучы* ‘певчий’ [28], можно предположить, что удмуртский «желтый соловей» появился в результате восприятия татарского сочетания *сайраучы кош* ‘певчая птица’ на слух как *сары учы кош* ‘птица – желтый соловей (= желтый соловей птица)’. В действительности же образ соловья претерпел предварительные метаморфозы еще в недрах татарской культуры, тоже избилующей образами *сары сандугач* ‘желтый соловей’. Для наглядности приведем припев песни «Күк сирень» («Синяя сирень»):

(6) <i>Сайрый да, сайрый сары кош
Күк сиренемә кунып,
Әллә кайттыңмы яныма
Сары сандугач булып?</i> | Чирдэ но чирдэ <i>ĉуж папа</i> ***,
Лыз сиреням пуксьыса.
Оло, дорам вуид-а,
<i>ĉуж учы</i> луыса? |
|---|---|

* В круглых скобках после знака = буквальный перевод.

** По сообщению В. П. Никитина, учителя Среднекушкетской средней школы Балтасинского р-на РТ, в татарском языке употребительны такие конструкции, как *исә җилләр* ‘дует ветры’, *сулар ага* ‘воды течёт’, *еллар үтә* ‘годы проходит’ и др.

*** Перевод с татарского на удмуртский А. Т. Байдуллиной, уроженки д. Уразгильды РБ, и А. Н. Мурзина, уроженца д. Лельвиж РТ.

Поёт-заливается **жёлтая птица**,
На синюю сирень [мою]* сев.
Не ты ли прибыл(а) ко мне,
В облике **жёлтого соловья**?** [15].

Одна из народных песен кряшен Прикамья, с которыми удмуртов связывают тесные культурно-языковые и даже этногенетические узы, называется «Ай, син, сары сандугачкайым, занкайым» («Ах ты, желтый соловушка [мой], душенька [моя]») [1].

Формированию образа «желтого соловья» в татарском фольклоре, на наш взгляд, способствовало несколько причин:

1) близость звуковых комплексов двух слов – *сайрый* ‘щебечет, поет’ и *сары* ‘желтый’.

2) скрытный образ жизни соловья, в отличие, например, от воробья, который любит обитать вблизи жилищ человека и за которым можно наблюдать воочию; соловей в наших краях пребывает только в теплое время года, обитает в густых ветвях деревьев и кустарников. Увидеть его практически невозможно. Потому у большинства людей нет определенного представления о цвете его оперения.

3) культурно-психологическое значение желтого цвета. Символом *желтого* является Солнце – источник тепла, света и жизни на земле. Этот цвет наполняет человека энергией. И хотя **значение желтого цвета** в разное время у разных народов не было одинаковым, в целом это цвет легкий, теплый, вызывает у человека положительные эмоции, ассоциируется с радостью и весельем [12]. Исследователи хроматизма (колористических аспектов) в традициях пермских и обско-угорских культур также отмечают, что желтый цвет в названных культурах ассоциируется с солнцем [34. С. 21].

Желтый цвет у удмуртов связан также с теплыми, идущими из детства, воспоминаниями о бабушке по материнской линии. Бабушка по матери обычно живет отдельно от внуков, зачастую – в другой деревне, поэтому внуки видят ее редко. Но при встречах она обязательно угостит самыми лучшими, самыми вкусными гостинцами, одарит сердечной теплотой и лаской. Дело в том, что названия родственников по материнской линии в удмуртском языке образуются с помощью омонимичной слову *їуж* ‘желтый’ препозиты *їуж=*, восходящей к прафинно-угорскому слову со значением ‘дядя по матери’ [16. С. 308] и праруральскому слову с семантикой ‘дядя’ [37. С. 34]. К числу таких наименований относятся и слова, обозначающие бабушку по матери, которые образуются по модели «*їуж=* + наименование матери» – *їуж-анай* / *їуж-мумы* / *їуж-нэнэ*. В народном сознании эти слова связаны с семантикой ‘желтый’. Следовательно, неудивительно, что, даже не видя соловья, человек представляет себе, как весной с пробуждением солнца веселые трели выводит птица с желтым оперением.

По поводу колористического аспекта соловья в татарской культуре К. Н. Гафиуллина отмечает, что «в быту эта птица буро-серого цвета, в поэтике же за

* В квадратных скобках даны переводы, отсутствующие в оригинале, но необходимые по контексту.

** Перевод на русский наш. – С. М.

ним прикреплен стойкий и единственный эпитет “желтый”, который в татарской поэзии означает страдание, тоску» [10. С. 143]. Этот образ, возникший в глубинах татарского фольклора из образа *невчего / поющего соловья*, через песенную культуру стал достоянием и удмуртского фольклора, где начал жить самостоятельной жизнью и ассоциироваться в первую очередь с солнцем и молодостью, выражая положительные эмоции:

(7) Їуж уйылэн
<i>Ой, тиосыз, тиосыз,
Їуж но чебер но гадьёсыз.</i>	Ой, птенцы, птенцы
Желтого соловья,
С очень красивой грудью
(= И желтые и красивые грудки [их]).
Уйылэсь но
<i>Шулдыргес но кырзало ук
Милям но гажано эшъёсы.</i>	По сравнению с соловьями (= чем соловей),
Еще более красиво поют ведь
Наши дорогие друзья* [8. С. 57].

Нередко встречается он в творчестве поэтов, воспитанных в южноудмуртских традициях. Приведем фрагмент песни Г. Ходырева «Али вал кадь» («Кажется, только что было»), не случайно включенной в репертуар «Бурановских бабушек» (в новой аранжировке – под названием «Гимн молодости»):

(8) Їукна жужась шундые кадь
<i>Пинал дыры ой-а вал?</i>
Їуж уйылэн чирдэмез кадь
<i>Мынам сюлмы ой-а вал?</i> | Как восходящее утреннее солнышко
Не была ли моя молодость?
Как трели желтого соловья
Не была ли моя душа (= сердце)?** [8. С. 216]. |
|---|---|

Образ «желтого соловья» гармонично вписан также Г. А. Архиповым в колористическое пространство одного из его стихотворений, впоследствии ставшем популярной удмуртской песней. Она не оставляет и тени сомнения в том, что соловей может быть не иначе как желтым:

(9) Їуж италмас но шуисько ке,
Їуж дэремен кадь потіськод,.. | Как только произнесу « желтая
купальница»,
Мне представляется, как будто ты
в желтом платье,..*** |
|---|--|

4-я строфа:

Їуж уйыпи но шуисько ке,
<i>Кырзамъестэ мон кылісько,..</i> | Как только произнесу « желтый соловушка»,
Я слышу пение [твое],.. [36. С. 52]. |
|---|--|

Образ «желтого соловья» встречается также в одной из песен, записанной Д. С. Васильевым-Буглаем в д. Ягул Глазовского р-на, т. е. у северных удмуртов: (10) **Їуж уйыпи** ке мон лусал, *їуж пужым йылын мон чирдысал.* ‘Желтым

* Перевод наш. – С. М.

** Перевод наш. – С. М.

*** Перевод наш. – С. М.

соловьем если б я был(а), на желтой сосне я бы трели выводил(а)* [30. С. 100]. Не вызывает сомнения заимствование образов ее у других территориальных групп удмуртов, о чем, в частности, говорят слова *учы(ни)* (в д. Ягул и окрестных деревнях – *соловэй*), *чирдыны* ‘щебетать, петь (о птицах)’ (в д. Ягул обычно – *чиргэтьнь*). Наше предположение подтверждают также лексические единицы других песен, не характерные для названной деревни, а также «Песня бесермян», записанная в той же деревне (см.: [30. С. 100–101]).

Чибор-чибор їуж учы ‘пестрый-пестрый желтый соловей’. Это сочетание слов передает весьма необычный образ соловья и не часто встречается в текстах песен:

(11) **Чибор-чибор їуж учыез**
Кие кутыны чик уг лу,
Та яратон мусоосты
Адзыны но чик уг лу.

Пестрого-пестрого желтого соловья
Никак не поймашь,
Своих любимых милых да
Повидать никак не получается** [8. С. 199].

Аналогичный образ входит в одну из песен шошминских удмуртов***, слова которой почти полностью совпадают с приведенной выше песней. Фрагмент текста шошминцев *Чибор-чибор їуж учыед* переведен как ‘Пестрый-пестрый золотой соловушка’ [19. С. 293].

Лингвистами установлено, что слово *чибор* ‘пестрый’ – это татарское заимствование [26. С. 142], что вопросов не вызывает. Но непонятна в описываемом образе причина, по которой «желтый соловей» получил еще и атрибут *пестрый*.

Вспомним образ соловья в народной песне «Ялыке»: *чим-чим соловей* (см. примеры 17 и 18 ниже), где атрибут *чим-чим* восходит к подражанию трелям этой птицы. Сочетание *чибор-чибор* весьма напоминает северноудмуртское *чивир-чивир* – имитацию (повторяющегося) свиста человека или птицы, ср. также: *чивыртыны* диал. ‘чирикать, щебетать’ [33. С. 727]. Следовательно, первоначально эпитет *чибор-чибор* мог выглядеть как *чивыр-чивыр*, обозначающая свистящего соловья, но под влиянием второго эпитета – *їуж*, связанного с колористическими представлениями, испытал фонетическую и семантическую трансформацию. В дальнейшем описываемый эпитет совершенно теряет ассоциацию с трелями соловья и, вместо атрибута, начинает выступать как предикат (сказуемое):

(12) *ой, но пу, уй но пу,*
выжсыосаз учыты,
учы чибор, їуж чибор,
йус'ийэзлы ут чида.

Ой, да дерево, [ой] да ветла,
На комле (‘в корнях ее’) соловушка.
Соловушка пестр, желто-пестр –
Тоску его [пения] не выдержать [13. С. 129].

* Перевод наш. – С. М.

** Перевод наш. – С. М.

*** Группа периферийно-южных удмуртов, проживающих в правобережье Вятки, в Балтасинском р-не РТ, Мари-Турекском р-не Марий Эл и Малмыжском р-не Кировск. обл.

от души”*, а в общеудмуртском языке – ‘наотрез, категорически; напрямик, прямо, без обиняков; усердно’ [33. С. 218].

Для сравнения отметим, что в татарском языке пение соловья изображается как *чут-чут*** [27. Т. 2. С. 587]. При этом есть и альтернативные варианты, например, в песнях молькеевских кряшен: (16) *Шып-шып итен сайрыйдыр, ай, бер шупчык*,.. «Шып-шып» свистит птичка,.. [2. С. 312]. В приведенном примере под словами *бер шупчык* ‘одна / какая-то птичка’, которая свистит, «*шып-шып делая*», возможно, также скрывается соловей.

Для полноты исследования необходимо привести также параллели из русского языка. В этом отношении лучше всего подходит описание пения соловья писателем, птицеловом-любителем И. С. Тургеневым в его рассказе «О соловьях», где выделены десять колен трелей этой птицы [29].

Первое: пульканье – «пуль-пуль-пуль-пуль...».

Второе: клыканье – «клы-клы-клы».

Третье: дробь.

Четвертое: раскат – «трррррр».

Пятое: пленканье – «плень-плень-плень...».

Опустив последующие колена, остановимся на описании десятого: «почин – этак: “тии-вить”, нежно, малиновкой. Это по-настоящему не колено, а соловьи обыкновенно так начинают» [Там же].

Из сказанного выше видно, что представители разных народов и даже носители разных диалектов практически одни и те же звуки могут слышать совершенно по-разному. В связи с чем нелишне привести наше собственное восприятие соловьиного пения, которым мы наслаждаемся каждое лето. Звуки, издаваемые соловьем, мы можем передать в первую очередь следующим образом: *чук-чук / ъук-ъук* (точнее: в начале слова – смягченный сильно шипящий ъ’, в середине – гласный между *у* и *ы*), *чурук-чурук*; иногда можно услышать и *чим-чим*, и близкие к ъык-ъык-ъык звуки. Удмуртский язык богат аффрикатами и сибилантами (шипящие + свистящие), а потому в 10–12 коленах пения соловья мое «удмуртское ухо» улавливает не «пульканье» и не «пленканье», а в первую очередь шелканье.

В отношении «пульканья» скажем, что одно из названий соловья в татарском языке созвучно с первым, по Тургеневу, коленом: ср. тат. *былбыл* ‘соловей’ [27. Т. 1. С. 279; Т 2. С. 215]. Вспомним советского азербайджанского певца и композитора Полада Мамедова, известного под именем Полад Бюль-Бюль оглы (азерб. *Polad Bülbüloğlu*), поскольку его отец, народный артист СССР, певец Муртуза Мамедов, получил в свое время прозвище Бюльбюль ‘соловей’ [7]. Хотя татарское *былбыл* (возможно, и азерб. *bülbül*) восходит к араб. *булбул* ‘соловей’ [3. С. 57].

Вернемся к происхождению названия соловья в удмуртском языке. Как сказано выше, наименования многих птиц восходят к подражанию издаваемым

* По информации, полученной от В. П. Никитина, 1956 г. р., жителя д. Карек-Серма Балтасинского р-на РТ.

** В татарском языке графемой *ч* обозначается щелевой палатальный согласный с незначительным смычным моментом; тат. *ч* акустически стоит между удмуртским *с’* и русским *щ*.

ими звукам. Примерами могут послужить названия сойки – *жакы* < *жак-жак*, коростеля – *кўажы* < *кўаж-кўаж*, дрозда-рябинника – сч. *кўаҗы (йубэр)* < *кўаҗ-кўаҗ*. Исходя из анализа имитативов пения соловья в удмуртском языке, мы предполагаем, что название этой птицы восходит к основе *ҷук(-ҷук)* и первоначально могло звучать как **ҷукуы*. При этом звуки, имитирующие щебетание или свист, могли выступать как эпитет певчего соловья – *ҷук-ҷук ҷукуы*, ср. *чим-чим соловей, чибор-чибор* (< *чивыр-чивыр*) *уҗы*. В дальнейшем в названии могла произойти метатеза (перестановка звуков), переразложение основы и возникновение современного названия: *ҷук-ҷук ҷукуы* > *ҷук-ҷук куҗы* > *ҷук-ҷуккуҗы* > *ҷук-ҷукуҗы* > *ҷук-ҷук уҗы* > *уҗы*.

Символика соловья в песенном фольклоре удмуртов. В «Комментарии к карте “Соловей”» Диалектологического атласа удмуртского языка Л. В. Бусыгина отмечает: «Благодаря своему пению соловей стал героем фольклорных традиций многих народов. Красивый голос в народе часто сравнивают с трелью соловья: удмурты говорят *уҗы кадь кырза* ‘поет как соловей’, русские – *соловьём заливаётся*, татары – *сандугач телле* ‘говорит как соловей’, *сандугач булып сайрау* ‘петь (заливаться) соловьем’ и т. д.» [6. С. 176].

На основе анализа удмуртских песен мы выделили ряд символов, соответствующих образу соловья.

1) **Символ любви.** В большинстве случаев передается как душевные переживания, вызванные тем, что скорая встреча невозможна или невозможно открыть свои чувства. Реже встречается он как символ переживания счастья, находя параллель в татарском народном творчестве, где соловей выступает как символ любви [10. С. 142].

2) **Символ возлюбленного (-ой).** Соловей сравнивается с любимым человеком (*яратон, гажан, туган*), иногда – как друг (*эш, эшьёсы*), причем обычно это друг-возлюбленный (-ая). Нередко пение соловья ассоциируется с голосом любимого человека. В целом этот символ часто представлен в одном контексте с первым символом, так что его можно рассматривать как вариант символа любви. Судя по лексикографическим данным, в татарских поэтических текстах образ соловья может выступать как символ возлюбленной, ср.: *былбыл* поэт. 1. см. *сандугач* 2. перен. *былбылым* ‘возлюбленная моя’ [27. Т. 1. С. 279]; *сандугач* 1. зоол. ‘соловей’ 2. перен. поэт. *сандугачым* (ласкательное обращение к любимой) ‘соловушка мой’ [Там же. Т. 2. С. 215].

3) **Брачный символ.** Образ соловья предстает как возможный жених / невеста (примеры 17, 18); «пара соловьев в клетке» – символ заключивших брак. Рассматриваемый символ близок к предыдущим. Отметим также аналогию с местом соловья в русской традиционной культуре: «Соловей – в народной культуре почитаемая птица, наделяемая мужской брачной символикой. В поверьях, приметах и фольклорных текстах С. тесно связан с **кукушкой**, нередко составляет ей пару» [11. С. 106–107].

4) **Званный / жданный гость.** Данный символ хорошо представлен в следующих примерах: «Пение желтого соловья – к приходу гостей» (пример 4). При этом символ званого гостя может быть объединен с брачной символикой (пример 16; пример 2: *от'эм су'анийос* ‘званные свадебщики’).

5) **Символ молодости.** Часто связан с мотивом прихода весны, для девушек – с девичеством (пример 8). Нередко предстает в образе птенца соловья (*уџыти, уџылэн пиосыз*; см. примеры 7, 9, 12).

6) **Символ свободы, воли** (пример 10). Нередко сближается с символом молодости.

7) **Символ печали, светлой грусти** связан с представлениями о молодости / молодой поре как самого главного этапа жизни, выражается как утрата молодости, утрата счастья; с другой стороны, в сочетании с любовной символикой проявляется как тоска по любимому человеку (примеры 8, 11, 12, 13).

8) **Символ (несчастной) судьбы, доли.** Символ связан с трудной человеческой долей, сиротством и т. д. (пример 14).

Приведенная классификация в определенной мере носит условный характер. Зачастую образу соловья соответствует не один конкретный символ, а несколько, обычно взаимосвязанных, например, символ «любовь–печаль, светлая грусть» или «молодость–любовь–возлюбленный (-ая)», или же символ «званный гость–брачный символ». Иногда уловить символику соловья в песенном тексте удастся с большим трудом. С другой стороны, символы могут быть синкретичны – содержать в себе противоположности: символ молодости одновременно может выступать как символ старости, а символ несчастной судьбы, тяжелой доли – как символ счастья.

Отдельно остановимся на популярной сегодня песне «Ялыке», особо акцентируя внимание на последней, третьей, строфе:

(17) <i>Чим-чим соловей,</i>	Птица-соловушка,
<i>Ваёбыжен юберен.</i>	Ласточка, скворушка,
<i>Жингыр гинэ</i>	Бубенцы звенят у бора –
<i>Куноос лыктйллям.</i>	Гости будут скоро [32. С. 110].

Выбор примера обусловлен тем, что это практически единственная севернoudмуртская песня (не считая примера 10, заимствованного у других территориальных групп удмуртов), где есть образ соловья. Текст заслуживает внимания еще и потому, что существует несколько версий данной песни. Фрагмент одной из них приведем ниже:

(18) <i>Чим-чим соловей,</i>	С колокольчиками на соловых
<i>Ваёбыжо юбери.</i>	Ваёбыж и Юбер
<i>Жингыр гинэ куноос лыктйллям.</i>	Со звоном в гости приехали [30. С. 172–173].

Слово *соловей* интерпретируется здесь как соловый (конь, кони), имитация трелей соловья *чим-чим* приравнивается к звону колокольчиков, а в отношении Ваёбыж и Юбер дается следующее пояснение в ссылке: «По мнению П. Поздеева, древние удмуртские имена»* [30. С. 173]. Подобная интерпретация,

* Подробно с комментариями П. К. Поздеева к одной из версий песни «Ялыке» можно ознакомиться в следующей работе: Жингырты, удмурт кырзан! (= Звени, удмуртская песня!): Нотаосын кырзан сборник / Дасыз П. К. Поздеев. Ижевск: Удмурт книжной издательство. 1960. С. 146, 372.

на наш взгляд, несостоятельна по нескольким причинам. Во-первых, хотя имитация трелей соловья *чим-чим* действительно имеет сходство с *чин-чин*, подражанием звону маленьких колокольчиков, но слово *соловый* / *соловой* в лексикографических трудах по удмуртскому языку нигде не зафиксировано; сама масть лошади встречается весьма редко, в сравнении, например, с рыжей или гнедой мастью. В то же время русское заимствованное название птицы *соловей* распространено у ниже- и среднечепецких удмуртов.

Во-вторых, образы птиц широко представлены в поэтическом фольклоре в целом и в песенном фольклоре в частности (см. напр.: [10. С. 125; 23. С. 93]). О роли образов птиц в народной поэзии исследователь татарских песен К. Н. Гафиуллина пишет следующее: «<...> наибольшее внимание в песенной лирике татар уделено образам птиц. Они представлены много шире и разнообразнее, чем все другие виды животных, соответственно играют и большую роль. Изначальное предназначение поэзии – связывать мир людей и богов, иносказательным текстом обращаясь с различными просьбами к верховным богам, которые обитают высоко в небе и правят земными делами. Это можно было сделать только с помощью птиц – единственных, кому доступна высота богов» [10. С. 125].

В обилии орнитологических образов в удмуртских песнях, при этом не только соловья, можно удостовериться и по многочисленным примерам в настоящей статье. Для большей убедительности приведем также фрагмент плясовой песни, бытующей в населенных пунктах Глазовского р-на:

(19) *Чечеген копотен,
Вайбыжен юберен шудо.*

Трясогузка с соколом*,
Ласточка со скворцом веселятся (= играют).

В образах птиц здесь представлены пляшущие пары, при этом трясогузка и ласточка – это образы женские, а сокол и скворец – мужские. Совместность (парность) передана с помощью «двойного» творительного падежа (букв. ‘с трясогузкой с соколом’, ‘с ласточкой со скворцом’), характерного для северного наречия. О последней паре речь ведется и в исследуемой песне, при этом именно как о паре, чете, в то время как *чим-чим соловей* ‘голосистый соловей’ – это символ холостого доброго молодца, потенциального жениха, иначе говоря, мужской брачный символ, что подтверждается предшествующим контекстом: *чебер казак ни* ‘красивый холостой парень’ [32. С. 110]. В другой же версии песни речь идет о *кузё ни* – хозяйском сыне [30. С. 172–173], хотя, исходя из контекста, данное сочетание, возможно, следовало бы перевести как ‘парень-хозяин’.

Образ «желтого соловья», в отличие от «обычного», более яркий, эмоционально насыщенный. В песенном фольклоре он наделяется в целом той же самой символикой, что и соловей вообще. Но существуют и некоторые различия:

* *Копоть* в среднечепецком диалекте означает ‘пыль’, что явно не вписывается в контекст песни. Считаем, что ранее на месте этого слова мог быть орнитоним *кропот*, который, в соответствии с лексикографическими источниками (см.: [25. С. 24; 33. С. 334]), имеет значения ‘сокол-сапсан’, ‘белый ястреб-мышевик’.

данный образ чаще всего связан с положительными эмоциями, переживаниями, поэтому редко выступает как символ, например, несчастной судьбы или несчастной любви. В последнем случае желтый соловей – это символ более сильных отрицательных эмоций.

В заключение подчеркнем основные выводы исследования. Благодаря своим завораживающим трелям соловей стал героем фольклорных традиций многих народов. Образ соловья весьма распространен и в удмуртском песенном фольклоре. Анализ песенных текстов позволил выявить символику соловья в народных представлениях. Чаще всего (более половины случаев) он предстает как символ любви (любовных переживаний, любимого человека) и в этом отношении близок к символу соловья в татарском фольклоре. Нередко образ соловья ассоциируется с молодостью и весной. Кроме того, «удмуртский соловей» наделяется брачным символом, что находит параллели в русской народной культуре. Однако отметим, что гендерность символа у удмуртов не выражена или выражена слабо, в отличие от русской культуры, где соловей выступает как мужской брачный символ, а у татар формы *былбылым* и *сандугачым* (букв. 'соловушка мой') служат обращением к возлюбленной.

Помимо названных вариантов, образ соловья может выступать также как символ свободы, воли, а также символ званого гостя (гостей). Из прочих вариантов отметим символ судьбы, доли, а также символ печали, который проявляется как утрата молодости, утрата счастья.

Образ соловья в удмуртской песенной культуре усилен «желтым соловьем». Выражение *Їуж учы* и образ «желтого соловья», распространенные в южной диалектной / этнографической зоне удмуртов, представляют собой татарское заимствование, проникшее через песенный фольклор. В языке татар этот образ возник вследствие фонетической близости слов *сайрый* (*сандугач*) 'поет (соловей)' и *сары* 'желтый', при этом у эпитета «желтый» в татарской народной поэзии утвердилась семантика страдания, тоски.

Закреплению образа «желтого соловья» в удмуртской культуре способствовало культурно-психологическое значение желтого цвета как символа Солнца – источника тепла, света и жизни на земле, благодаря чему заимствованный эпитет без труда прижился в удмуртской среде, ибо положительные эмоции от трелей соловья ассоциируются с желтым цветом легче, чем с истинным серовато-бурым оперением птицы, которую редко кому удается увидеть. В традиционном удмуртском сознании – *Їуж учы* 'жёлтый соловей' своим пением озаряет окрестности, как яркое солнце освещает своими лучами землю. Желтый цвет у удмуртов также связан с теплыми воспоминаниями о бабушке по матери: *Їуж-анай* / *Їуж-мумы* / *Їуж-нэнэ*. В народном сознании эти слова воспринимаются как «желтая мама».

Образ «желтого соловья», в отличие от «обычного», более яркий, эмоционально насыщенный. В песенном фольклоре он наделяется в целом той же символикой, что и соловей вообще. Данный образ чаще всего связан с положительными эмоциями, переживаниями, поэтому редко выступает как символ, например, несчастной судьбы или несчастной любви.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

азер. – азербайджанский язык, араб. – арабский язык, букв. – буквально, буквальный перевод, диал. – диалектное, зоол. – зоология, перен. – переносное значение, поэт. – поэтическое, РБ – Республика Башкортостан, РТ – Республика Татарстан, сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка, тат. – татарский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ай, син, сары сандугачкайым, занкайым [Электрон. ресурс]: Поиск mp3. URL: <http://www.audiopoisk.com/?q=Ай%2C+син%2C+сары+сандугач%2C+занкайым> (Дата обращения: 25.02.2016).

2. *Альмеева Н. Ю.* Песни татар-кряшен. Вып 2: Молькеевская группа / Под общ. ред. И. И. Земцовского. СПб. – Казань, 2012. 472 с. + 1 DVD с аудио- и видеозаписями.

3. *Әхмәтъянов Р. Г.* Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. 272 б.

4. *Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов: Материалы и исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. Вып. 1. 192 с. (Удмуртский фольклор)

5. *Брем А.* Жизнь животных: Млекопитающие, птицы, рептилии, земноводные, рыбы, насекомые. М.: Эксмо, 2002. 960 с.

6. *Бусыгина Л. В.* Комментарий к карте «Соловей» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV. Науч. изд. / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. С. 176–180.

7. Бюльбюль-оглы, Полад [Электрон. ресурс]: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бюльбюль-оглы,_Полад (Дата обращения: 25.02.2016).

8. Вай кырзалом, эшгёс!: Кырзангёс / Люказы Л. В. Перевозчикова, А. Г. Иванова, С. А. Ильин. Ижевск: Удмуртия, 1993. 288 с.

9. *Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014. 384 с. + табл. (Удмуртский фольклор).

10. *Гафиуллина, К. Н.* Национально-мифологические основы поэтики татарской народной песни. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 – фольклористика / Гафиуллина Кадрия Накиповна. Казань, 2005. 236 с.

11. *Гура А. В.* Соловей // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5: С (Сказка)–Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2012. (Ин-т славяноведения РАН). С. 106–107.

12. Значение желтого цвета [Электронный ресурс]: Магия цвета. URL: <http://magicofcolour.ru/znachenie-zheltogo-cveta/> (Дата обращения: 25.02.2016)

13. *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / Науч. ред. И. В. Тараканов. Ижевск, 1990. 368 с.

14. *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1: Науч. издание. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.

15. Күк сирень [Электронный ресурс]: Тексты песен. URL: http://webkind.ru/text/6785759_57199598p86641301_text_pesni_kuk_siren.html (Дата обращения: 25.02.2016).

16. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.

17. *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. Вып. 1. 232 с.: ил. (Удмуртский фольклор).
18. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.: ил. (Удмуртский фольклор).
19. *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2. 332 с.: ил. (Удмуртский фольклор).
20. *Нуриева И. М.* Импровизация в песенной культуре удмуртов: жанр, стиль мышления: монография / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2014. 112 с.
21. Песни татар-кряшен. Вып. 1. Пестерчинская (примёшинская) группа / Сост. Н. Ю. Альмеева; Ред. И. И. Земцовский. СПб. – Казань. 2007. 311 с.
22. *Поздеев П. К.* Кырза, уѳы! // Ньылдон шур йылысь: Кылбуръёс, кырзанъёс, балладаос, поэмаос. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 17.
23. *Пчеловодова И. В.* Удмуртская песенная лирика: От мотива к сюжету: монография / Науч. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013. 164 с.
24. *Соколов С. В.* Этимологической пичи кылбугор // Вордскем кыл. 1999. 9 №. 73–89-тй б.
25. *Соколов С. В., Туганаев В. В.* Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / Под общ. ред. С. В. Соколова; илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.: вкл.
26. *Тараканов И. В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.
27. Татарско-русский словарь: В 2-х т. / Редколлегия: Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев и др. Казань: Магариф, 2007.
28. ТатПоиск [Электронный ресурс]: Татарско-русский и Русско-татарский словари онлайн. URL: <http://tatpoisk.net/dict/> (Дата обращения: 25.02.2016).
29. *Тургенев И. С.* О соловьях [Электронный ресурс]: Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/turgenev/turgenev_o_solovyah.html (Дата обращения: 23.02.2016).
30. Удмуртская народная песня в творчестве. Д. С. Васильева-Буглая: Сборник материалов / Т. Г. Владыкина, М. Г. Ходырева. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 192 с. (Памятники культуры. Фольклорное наследие.)
31. Удмуртские народные песни / Собр. и сост. А. Н. Голубкова, П. К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1976. 116 с.
32. Удмуртские песни. Антология. Ижевск: Удмуртия, 1975. 400 с.
33. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
34. *Уляшев О. И.* Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 421 с.
35. *Ходырева М. Г.* Песни северных удмуртов [Ноты]. Ижевск: УИИЛ УрО РАН, 1996. Вып. 1. 120 с. (Удмуртский фольклор).
36. Їуж италмас но шуисько ке: [кылбур-кырзан] / кыльёсыз Г. Архиповлэн; кретьгурез П. Кузнецовлэн // Кенеш. 2014. № 5–6. С. 52.
37. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

S. A. Maksimov

Čuž učipi no šuiško ke., or on the Symbolism of the Nightingale in the Udmurt Song Culture

The paper deals with the semantics of the expression *čuž učij* ‘a yellow nightingale’ and the image of the nightingale in Udmurt folk songs. The investigation is based on the analysis of Udmurt and Tatar song lyrics. It is concluded that the image of a yellow nightingale originated in the Tatar song culture and then spread to the Udmurt folklore. There are several reasons for the formation of this image: 1) the sound closeness of two words – *sairyj* ‘[a bird] chirps, sings’ and *sary* ‘yellow’; 2) secretive lifestyle of a nightingale; 3) cultural and psychological perception of the yellow colour. The paper also clarifies the origin of the Udmurt word *učij* ‘a nightingale’.

Analysis of song lyrics revealed the symbolism of the nightingale in Udmurt folk culture. In most cases it is presented as a symbol of love (love experiences, lover) and in this respect it is primarily associated with youth and spring. In addition, the image of the nightingale is endowed with marital symbolism (that has its parallels in Russian folk culture), and attributed some other symbolic meanings. The image of a yellow nightingale in contrast to an “ordinary” nightingale is more vivid and emotionally charged. Its image is primarily associated with positive emotions and feelings, and it also symbolizes sadness and melancholy.

Keywords: Udmurt language, folk songs, “a yellow nightingale”, imitation of nightingale singing, etymology, image of the nightingale, symbolism of the nightingale.

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Уральского отделения РАН

426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov Sergey Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,

Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4

E-mail: makser02@yahoo.com